

Глазами либерала

книга вторая

ГЕРМАН АНДРЕЕВ (ФЕЙН)

ГЕРМАН АНДРЕЕВ (ФЕЙН)

Глазами либерала

книга вторая

БОСТОН • 2021 • BOSTON

ГЕРМАН АНДРЕЕВ (ФЕЙН)
Глазами либерала. Книга вторая
Редактор Светлана Фейн

GERMAN ANDREEV (FEIN)
Through the Eyes of a Liberal. Book Two
(Glazami liberala. Kniga vtoraya)
Edited by Svetlana Fein

Copyright © 2021 by German Andreev

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319558

Library of Congress Control Number: 2021943840

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 mgraphics.books@gmail.com

 mgraphics-books.com

Book Design by M•GRAPHICS © 2021

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator**[™] (www.batov.ru)

Отпечатано в США

*Автор выражает глубокую благодарность
В.Б. Крюкову за техническое содействие
в подготовке книги к изданию
и жене Светлане за редактирование
материала книги*

Для русского либерального интеллигента личная свобода — это не только высшая, но единственная безусловная ценность, свобода, понимаемая лишь во вторую очередь как свобода политическая, а в первую — как свобода духа, свобода открытого отстаивания своих убеждений.

Истина для русского либерального интеллигента не зависима от злобы дня, она — над партиями, над нациями, над модой.

Герман Андреев (Фейн)

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА. ВСТУПЛЕНИЕ	11
<i>Культура власти</i>	19
<i>Культура народа</i>	29
<i>Культура духовенства</i>	52
<i>Культура интеллигенции</i>	71
К ИСТОРИИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ.	87
ПУШКИН КАК ИСТОРИК.	103
ЛЕВ ТОЛСТОЙ – РУСОФОБ (?)	123
ШЕСТИДЕСЯТНИКИ.	137
ЧЕТЫРЕ СЛУЧАЙНО ВЫБРАННЫХ ПИСАТЕЛЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХ	
<i>В. Гроссман. «Жизнь и судьба»</i>	157
<i>А. Солженицын. «В круге первом»</i>	161
<i>В. Распутин. Прощание с корнями</i>	165
<i>В. Шукшин. Обаятельные чудики</i>	170
М. ГОРЬКИЙ КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН	174
«ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»	208
Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ – РАЗРУШИТЕЛЬ ОБЩЕПРИЗНАННОГО	214
З. ГИППИУС – ИНТЕЛЛИГЕНТКА С МУЖСКИМ СКЛАДОМ УМА	231
К. ЛЕОНТЬЕВ, РЕАКЦИОННЫЙ РОССИЙСКИЙ ФИЛОСОФ КОНЦА XIX В. И ЕГО НЫНЕШНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ	250
В. СОЛОВЬЕВ – ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ФИЛОСОФ, СОЗДАТЕЛЬ ТЕОРИИ ВСЕЛЕНСКОГО СИНТЕЗА.	283
РУССКИЙ ЛИБЕРАЛ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ТИП	303
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	310

РУССКАЯ КУЛЬТУРА. ВСТУПЛЕНИЕ

Что такое культурный человек? Что такое национальная культура?

Принято считать культурным человека образованного, вежливого, тактичного, воспитанного. В этой же статье речь пойдёт не об отдельной личности, а о ***Русской Национальной Культуре***.

Так называемые русские патриоты признают, что в истории России было немало тёмных сторон, но зато у неё была великая культура: Пушкин, Толстой, Чехов, Менделеев и др. Как-то не учитывается, что в этих персонажах проявлялась далеко не вся русская культура, но лишь одно, правда, важнейшее — творческая сила нации.

В России четыре страты:* это *власть, народ, духовенство и интеллигенция*.

Национальная культура — явление, содержащее такие её свойства, как отношения в ней человека к человеку, общества к человеку, человека к Богу, одной страты к другой, власти к человеку, человека к государству, мужчины к женщине, родителей к детям. И лишь в конечном счёте важнейшим элементом русской культуры является художественное и научное творчество каждой страты.

Такого явления, как вообще русская культура, не существует, а есть культура четырёх страт (культура власти, культура народа, культура духовенства и культура интеллигенции). И лишь суммарно из этого возникает то, что условно можно назвать русской культурой. Проявления этой культуры в истории были в чём-то прекрасными и в чём-то отталкивающими (как в культурах и других наций).

* Страта — социальный, общественный слой.

Интересно сначала рассмотреть основные тенденции развития русской культуры в её творческой составляющей (литература, изобразительное искусство). Можно говорить о догоняющем характере русской культуры. Её деятели всегда сознательно, целеустремлённо пытались подняться до уровня культур европейских.

И это им как правило удавалось, причём неоднократно они и обгоняли свои европейские образцы.

Склонность и способность Петра I к ученичеству похвалил Пушкин в поэме «Полтава».

В начале своего царствования Пётр терпит поражение за поражением от шведского короля Карла XII, но вот в битве под Полтавой он разбивает своего учителя, берёт в плен нескольких его генералов и, как пишет Пушкин, приглашает их на пир в честь своей победы и «за учителей своих заздравный кубок поднимает».

Это ученичество у европейских авторитетов Пушкин никак не считал порочным. Наоборот, сам он открыто признавал, как много для его творчества давали европейские образцы. Одним из таких был Шекспир.

Написав трагедию «Борис Годунов», Пушкин признавался, что взял для неё за образец английского драматурга Шекспира, а не француза Мольера. У Мольера он видел нехватку психологизма, а в Шекспире ценил способность создавать сложные психологические типы. И благодаря, как он писал, шекспиризации ему удалось создать типы своей трагедии (Бориса Годунова, Гришки Отрепьева, Марины Мнишек). Позже, покидая Одессу и отправляясь в Михайловскую ссылку, Пушкин прощался и с тем морем, где возвышалась «одна скала, гробница славы. Там погружались в хладный сон воспоминанья величавы: там угасал Наполеон».

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

(о Байроне)

Два европейских кумира у русского поэта. До самой войны 1812 года романтически настроенная русская молодёжь боготворила Бонапарта как пример великого человека, вознёсшегося над серой толпой.

Среди таких молодых людей были князь Андрей Болконский и Пьер Безухов в романе Толстого. Они не видели образцов для подражания у каких-либо русских деятелей и преклонялись перед французом Наполеоном. И в кабинете у Евгения Онегина Татьяна видит «бледный полусвет, и лорда Байрона портрет, и столбик с куклою чугунной, под шляпой с пасмурным челом, с руками, сжатыми крестом» (Наполеон).

Дух Байрона царил в русской литературе первой трети XIX века. Сознательно в своём творчестве следовали за Байроном и Пушкин, и декабрист романтик Бестужев-Марлинский, и молодой Михаил Лермонтов. Этот последний, сравнивая себя с Байроном, заявляет: «Нет, я не Байрон, я другой, как он, гонимый миром странник, но только с русскою душой».

Не только общность судьбы, но и романтическое видение мира делало Марлинского, молодого Пушкина и Лермонтова поэтами, догоняющими великого англичанина. Южными поэмами Пушкин догонял и перегонял восточные поэмы Байрона. Байронический дух витал над «Измаилом-Беем» Лермонтова. Байроническим романом считал Пушкин своего «Евгения Онегина», хотя этот роман имел весьма отдалённое сходство с байроновскими поэмами «Беппо» или «Чайльд Гарольд».

Важнейшим, но далеко не единственным элементом русской культуры является художественное и научное творчество каждой из национальных страт.

* * *

Повторим, такого явления, как русская культура вообще, не существует, а есть культура четырёх страт (культура власти, культура народа, культура духовенства и культура интеллигенции).

Речь пойдёт о России между Петром I и нынешним её состоянием.

*Доминантные тенденции в развитии
русского искусства и науки в России XVIII–XXI веков*

Всё начиналось с Петра I. Посещая островок европейской жизни в московской немецкой слободе, заложенной его отцом царём Алексеем Михайловичем, он познакомился с бытом и обычаями гостей из Европы (немцев, швейцарцев, голландцев) и сразу стал примерять на себя европейский стиль жизни, приспосабливаться к нему. Но ему этого показалось мало, и он организовал «великое посольство» в Европу, прихватив с собой своих приятелей, будущих политических деятелей своего царства. Там он учился сам и требовал от своих спутников учиться военному делу, строительству кораблей и крепостей (фортификации), анатомии (привёз в Россию кунсткамеру) и даже манерам бытового поведения (не воровать). А потом говорил: «Мы всё возьмём у Европы, что нам надо, а потом повернёмся к ей задом» (либеральные государственные устройства, которые он наблюдал, например, в Англии, перенимать не считал нужным).

Написав «Капитанскую дочку», Пушкин стал творцом реализма, уже не догоняя европейских писателей, а им давая образец этого художественного метода. Подчас зрелый Пушкин бывал европейцем больше, чем сами европейские писатели. И им было надо догонять русского поэта, если бы до них дошли его творения.

Маленькие трагедии Пушкина — это картины европейской жизни, воссозданные русским художественным гением: Германия в «Моцарте и Сальери», Франция в «Скупом рыцаре», Испания в «Каменном госте», Англия в «Пире во время чумы».

Вместе с тем Пушкин хвалил своих русских коллег за их способность догонять европейских художественных деятелей. Так, в российском театре «наш Катенин **воскресил** Корнеля гений величавый», и подчас там выступал «**переимчивый** Княжнин».

Разрабатывая новые поэтические формы, Пушкин оправдывал иногда свои находки ссылками на европейский опыт. Так, написав стихотворение в форме сонета, он как бы оправ-

дывался: «Суровый Дант не презирал сонета, в нём жар любви Петрарка воспевал».

* * *

Многие русские писатели конца XVIII века и в XIX веке в своём творчестве догоняли европейских коллег.

Когда вышел III том «Войны и мира», один журналист спросил Льва Толстого, у какого европейского писателя он учился (полагая вероятно, что русский романист не может быть совершенно самобытным, но лишь догоняющим какого-либо европейского брата по ремеслу). Любопытно, что Толстой этот вопрос посчитал естественным и ответил, что писал под сильным воздействием романа французского писателя Стендаля «Пармская обитель». (Неизвестно, осознал ли позже Толстой, что французский писатель Золя в романе «Разгром» следовал его, русского писателя, опыту описания батальных сцен в его эпопее.)

Вся русская литература XIX века была догоняющей европейскую. Во всяком случае, одна европейская литература, а именно французская, была богаче русской, если иметь в виду не столько её качественное превосходство, сколько количество выдающихся творцов. От Рабле («Гаргантюа и Пантагрюэль») в XVII веке, через классицистическую литературу времени короля-солнце Людовика XIV (Корнель, Расин, Мольер, герой пьесы которого «Мизантроп» вдохновил Грибоедова на создание образа Чацкого) и затем литературу просвещения в XVIII и реализм литературы XIX и XX века (Стендаль, Бальзак, Гюго, Золя, Анатоль Франс, Ромен Роллан, Камю) перед русскими писателями выстраивались образцы, которые нужно догонять. (Но некоторые великие русские писатели — Толстой, Достоевский, Чехов — сами обогнали своим совершенством всю французскую литературу.)

Пушкин писал о Вольтере: «Всех более прочитан, всех менее томит».

Особенно привлекала русскую интеллигенцию к Вольтеру воинственная антиклерикальная направленность его писаний. Пушкин называл Вольтера «фернейским злым крикуном»

(по названию местечка Ферней, откуда он рассылал свои обличения католической церкви). За этим «крикуном» Пушкин следовал в своей поэме «Гавриилиада», прежде всего его сатирическому (как тогда говорили, циничному) отношению к евангельской легенде.

Вольтерьянство стало в устах реакционеров обличительной кличкой свободомыслия (Чацкого московские сплетники называют «проклятым вольтерьянцем»).

Другой французский писатель Жан-Жак Руссо привлекал русских писателей своей искренностью, исповедальностью. Сначала студент, а потом и молодой писатель граф Лев Толстой даже носил на груди ладанку с изображением Руссо.

Так, Николай Карамзин стремился обогнать европейский сентиментализм (Стерн, Ричардсон). Вслед за романом Стерна «Сентиментальное путешествие по Германии и Италии» он пишет свои «Письма русского путешественника», в которых повествует о великолепных европейских чудесах в философии и литературе, которые неплохо было бы усвоить русским мыслящим людям.

Далеко не всё в Европе привлекало к себе русских образованных людей. Так, Денис Фонвизин, отправившийся в Париж за европейскими чудесами, пришёл в ужас от увиденных там страшных последствий Французской революции, а западник Герцен, насмотревшийся на революцию 1848 года, отшатнулся от западничества и перешёл к славянофилам.

К необходимости перенять европейскую культуру взывал Михайло Ломоносов. В «Оде на день восшествия на трон царицы Елизаветы Петровны» он призывал её создать российский университет, чтобы доказать, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать». То есть опять призыв догнать Европу.

Сам Ломоносов получил высшее образование в Германии, в городке Марбург, из которого, кроме знаний, вывез жену-немку.

И как по пророчеству Ломоносова, на протяжении двух веков Россия догоняла и перегоняла европейскую науку, философию и технику. В конце XIX — начале XX века Россия дала даже лау-

реатов Нобелевской премии в области науки (Мечникова, Ивана Павлова).

И до того, как Россия представила миру «собственных Платонов» (то есть философов), она догоняла Платонов европейских. Крупный немецкий философ Шеллинг говорил своим коллегам, что лучший его студент — русский Иван Киреевский.

Художественный описатель молодых русских философов И. С. Тургенев создал в своих романах портреты русских гегельянцев (например, Рудина, чей прототип — молодой Станкевич) и с презрением отзывается о своих русских устами материалиста Базарова («Отцы и дети»), который не расстается с книгами немцев Фохта, Молешотта и Бюхнера («Stoff und Kraft», «Материя и сила») и учителях, которые, в отличие от немцев, «не говорят дела».

Русские философы всегда называли себя учениками европейских. Молодой Виссарион Белинский в своём духовном развитии переходил от гегельянства, через фихтенианство к фейербахианству. Фейербахианец Чернышевский поплатился (в частности за пропаганду материалистической философии немца-атеиста Фейербаха) длительной каторгой. А группа молодых философов вокруг Петрашевского была погружена в учение французского социалиста-утописта Фурье и тоже была сослана на каторгу.

В конце XIX века русские философствующие молодые люди нашли себе нового европейского кумира — немца Карла Маркса. И потом чуть ли не во всех русских философствующих кружках шли бесконечные споры о том, как надо понимать великое немецкое учение — марксизм (а не создавать свою оригинальную философию).

И после политической победы в России партии марксиста Ульянова (Ленина) во всех городах и весях матушки России развешивались огромные портреты двух немецких бородачей философов Маркса и Энгельса и догнавшего их мудрость русского Ленина.

А как же с оригинальными русскими Платонами, явление которых пророчил Ломоносов? Предсказание Михаила Васильевича начало осуществляться в конце XIX века и в первой

половине XX века. Именно в это время появились оригинальные русские философы, предлагавшие европейскому человеку решение важнейших проблем бытия и веры.

Это Владимир Соловьёв, Лев Толстой, Николай Бердяев, Иван Ильин, Сергей Булгаков, Рерихи и многие другие. (В романе Горького «Жизнь Клима Самгина» действует много русских талантливых и, главное, самобытных, а не догоняющих Европу мыслителей, списанных Горьким с натуры.) А русская женщина Елена Блаватская стала основательницей философско-мистического учения — теософии.

Россию, которая будет не только догонять, но и обгонять Европу, видели в своих мечтаниях несколько утопически настроенных русских писателей. Подчас они даже не замечали, сколь смешны их фантазии.

Иронически, но с теплом изобразил Николай Лесков русского умельца косоного Левшу, который в своём ремесле не только догнал хитроумных англичан, но и обогнал их.

Без всякой иронии, даже пафосно, изобразил Россию обгоняющей в своём движении все страны мира Николай Гоголь. «Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.»

И было в русской культуре нечто, по убеждению русских писателей от Ломоносова до Тургенева, что делает её одной из самых значительных в мире. Это её русский язык. Тот же Гоголь утверждал в «Мёртвых душах»: «Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово». «Великим, могучим, правдивым и свободным» русский язык назвал Иван Тургенев.

* * *

И всё же многие поколения русских людей жили и живут в сознании, что надо догонять и по возможности перегонять другие народы планеты.

Как это ни смешно, но и вожди большевизма, уверенные, что владеют законами истории, всегда призывали русских людей догонять и перегонять во всех отношениях капиталистические страны. В 1927 году Сталин призвал советских людей догнать капиталистические страны за три года, а «иначе нас сомнут». Умер Сталин, и его преемник Хрущёв опять провозгласил: «Догоним Америку по мясу, молоку и маслу!» и — позже — по кукурузе.

КУЛЬТУРА ВЛАСТИ

Власть политическая — это царь, генсек (сегодня — президент), министры (шире — государственная бюрократия); власть экономическая — это помещики, а после 1861 года и капиталисты, а также и охранявшие эту власть от народа и интеллигенции полиция, жандармерия, армия.

Культуру своей, русской власти презирали представители культуры других стран, прежде всего интеллигенция, и боялся народ.

Лев Толстой как-то сказал: «У англичан такая цивилизация (культура, — Г.А.), что её бросить жалко, а у нас разбойник наверху, разбойник внизу — её не жалко».

Культура русской власти почти во всю историю России XVIII–XX веков была варварской. До отмены крепостного права практиковалась покупка и продажа людей (крепостных).

Интеллигент Чацкий в пьесе Грибоедова «Горе от ума» (начало XIX века) с ужасом и отвращением обличает знакомых помещиков, один из которых выменял на крепостных трёх борзых собак, а другой распродал по одиночке детей своих крестьян, отторгнув их от матерей и отцов. Екатерина II дарила своим фаворитам (например, Потёмкину) сотни и даже тысячи крепостных.

Один из первых русских интеллигентов А. Н. Радищев в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» описал множестводикостей, связанных с крепостничеством, за что и был властью жестоко наказан.

Молодые офицеры, герои Отечественной войны, создали несколько тайных обществ, главной целью которых была отмена

крепостного права. Власть в лице императора Николая I наказала пятерых из них казнь через повешенье, а более сотни — ссылкой на каторгу в Сибирь.

Русская власть всегда культивировала дух насилия. Царица Елизавета, правда, отменила в России смертную казнь, но тот же Николай нашёл ей страшную замену. Заявив «Слава Богу, у нас нет смертной казни», он приговаривал про штрафившихся солдат к прогону через строй ударами тысячи палок. За это его прозвали Николаем Палкиным. А его внук Александр III даже награждал чиновников за их «решительные» расправы с народом. Так, в 1886 году он пожаловал назначением в Государственный Совет губернаторов Пензы (Татищева) и Чернигова (Афанасьева), прославившихся массовыми порками крестьян, не заплативших части налога (недоимки).

И в 20-е и 30-е годы уже другой, советской власти тоталитарный властитель Сталин тоже повышал в чинах своих подданных, которые во время коллективизации доводили крестьян до голодной смерти. За осуществление этого голодомора, при котором погибло около 6 миллионов крестьян, Лазарь Каганович и Станислав Коссиор были награждены постами секретарей ЦК Украины (по-старому — губернаторов).

Массовые казни стрельцов при Петре I, пугачёвцев при Екатерине II, казнь Петром своего сына Алексея (подозреваемого в заговоре против власти отца) были характерными проявлениями культуры российской власти в XVIII веке.

Вот какой видел её живший в то время основатель русского либерализма А. Н. Радищев: «Чудище обло, огромно, стозевно и лайй» («Телемахида»).

XX век начался с расстрела в столице 9 января 1905 года мирной манифестации городских рабочих, а в 1912 году — рабочих Ленских приисков в Сибири, за что царь Николай II был прозван Николаем кровавым, хотя он и не нёс за это прямой ответственности. (Русские люди по привычке считали свою власть насильственной.)

На протяжении XIX и второй четверти XX века писатели-классики рассказывали русским людям о различных формах

массового изуверского насилия, применявшихся властью над народом. Первым из них в начале 50-х годов XIX века стал Фёдор Достоевский с его книгой «Записки из мёртвого дома». А. П. Чехов, объездив Сахалин в 1891 году, в книге «Остров Сахалин» в типичной для него сдержанной манере рассказал российскому читателю об ужасах разных форм насилия на этой русской каторге накануне нового времени, в конце XIX века.

А в начале XX века с возмущением против массовых казней, вроде бы оправдываемых разгулом крестьянских бунтов, в период власти П. А. Столыпина выступили Лев Толстой («Не могу молчать») и В. Г. Короленко («Бытовое явление»). О самых страшных и самых массовых в истории России фактах насилия советской власти над жителями страны рассказал А. Солженицын в книге «Архипелаг Гулаг».

Зверствовали не только верховные власти, но и власти помещичьи. За малейшие проступки крестьян пороли на конюшнях независимо от их возраста и пола. Жестокость крестьянских бунтов Александр Блок в статье «Интеллигенция и революция» объяснял, в частности, этим обычаем.

Во всенациональное насилие — в войну гражданскую — превратили уже большевики войну германскую (как её тогда называли). Натравливая одну часть нации на другую, они вели эту войну весь XX век, не раз прибегая к насилию над народом и после смерти тирана Сталина. Пример — расстрел рабочих Новочеркаска армией генерала Плиева по приказу московских властей в 1962 году.

Советская (большевистская) власть грабила многомиллионное крестьянство и интеллигенцию и осуществляла миллионные убийства, по размаху насилия далеко опередив все власти, им предшествовавшие. Эта власть «наказывала» даже отдельные народы, осуществляя насильственные переселения их с Северного Кавказа, из Крыма и Поволжья в необжитые территории восточной России. До такого не мог додуматься ни один самый жестокий русский царь. (Надо оговориться, что однажды в истории Российской империи был несколько похожий случай в 1914 году: в начале войны некоторые русские генералы

по собственной инициативе насильственно выдворяли евреев в отдалённые от границы местечки, предполагая, что те могут шпионить в пользу Германии.)

Все русские власти содержали при себе карательные органы насилия. У Петра был Преображенский приказ; при Екатерине II — учреждение «кнутабойца Шишковского», кому на расправу Екатерина II отдала Радищева и где по чистой случайности было построено позже, в 1918 году, здание ЧК; при Николае I — III-е отделение канцелярии его величества и аракчеевские поселения; у Александра III и Николая II — Охранные отделения (охранки); у власти советской — ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ, ФСБ.

Насилия русской власти были нацелены не только против «врага внутреннего», но и врага внешнего. Однажды в 1848 году на главном придворном балу неожиданно появился сам император Николай I и призвал танцующих там офицеров и генералов: «Господа, в Европе революция, по коням!». Пройдёт сто лет, и русская (советская) власть отправит подавлять освободительные движения в Европе (в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в августе 1968 года) уже не на конях, а на танках. Российская власть всегда была угрозой не только для жизни подданных, но и для свободы их самовыражения.

Культуру русской власти как культуру насилия, обскурантизма, глупости и коррупции изображали в своих произведениях Гоголь («Мёртвые души» и «Ревизор»), Щедрин («История города Глупова» и сказки), Лев Толстой («Воскресенье»), Чехов («Унтер Пришибеев», «Маска», «Человек в футляре», «Палата № 6»), Амфитеатров («Господа Обмановы»), Ал. Зиновьев («Зияющие высоты»).

На протяжении трёх веков в России свирепствовала жёсткая цензура, насилие над творческой интеллигенцией. За неправильные мысли и писания думающие русские люди могли быть в лучшем случае лишены права публикации своих творений, а в худшем — быть за них наказанными тюремным заключением.

За свою книгу арестован был Радищев.

За философскую статью объявлен сумасшедшим и заключён под домашний арест основоположник западничества Пётр Чаадаев.

Цензура долго не разрешала издавать «Мёртвые души» Гоголя. На многие годы отправлены в ссылку писатель и философ Чернышевский и молодые люди из кружка Петрашевского.

Запрещались к печатанью публицистические писания Льва Толстого и «Крейцера соната».

Письма Чехова наполнены жалобами на действия цензуры.

Запрещены были даже «Мелочи архиерейской службы» далёкого от всякой оппозиции Н. Л. Лескова.

Из «Братьев Карамазовых» цензура вычеркнула проповеди старца Зосимы.

При Советской же власти цензура стала всеобъемлющей. Эта власть и начиналась с «Декрета о печати», которым прямо запрещались все писания, противоречащие интересам и взглядам власти.

Но культура российской власти не ограничивалась насилиями. Люди во власти стремились жить комфортно и красиво.

Пётр I создал класс образованных людей — дворянство, представителям которого разрешалось обогащаться и «жить красиво». Этот класс и был одной из основных ветвей русской власти до февральской революции 1917 года.

Чтобы дворяне лучше служили, Пётр повелел им получать образование, которое соответствовало бы требованиям современности и давало бы право на ту или иную позицию в структуре власти. Он создал Табель о рангах (чинах). Каждый из чинов получал право на определённую власть, большую или меньшую. Всего было установлено 14 чинов — от низшего — коллежского регистратора (просто переписчика правительственных бумаг, как Акакий Акакиевич Башмачкин у Гоголя или «мученика четырнадцатого класса», как Самсон Вырин у Пушкина), до высшего — действительного тайного советника, министра (как Алексей Александрович Каренин у Льва Толстого).

К каждому чину предписывались определённые обращения: Ваше благородие (низший офицерский чин), Ваше высокоблагородие (остальные офицерские и статские чины); Ваше сиятельство — (к князьям), Ваше Величество — (к царю и его супруге).

Для возможности получения дворянами образования на протяжении истории всей русской власти от Петра и его преемников до революции 1917 года постоянно создавались средние и высшие учебные заведения (гимназии, педагогические и технологические институты). Уже в конце XVIII — начале XIX века были созданы университеты (Московский, Петербургский, Харьковский, Казанский), лицеи (Царскосельский, где учился Пушкин, Нежинский, где учился Гоголь), военные (юнкерские) училища для мальчиков из высших классов, в одном из них учился Лермонтов. Ещё при Екатерине II начали создаваться высшие учебные заведения для девушек из дворянских семей (Институты благородных девиц).

Не всегда было ясным, чему и для чего учить этих самых девиц. В основном, их готовили стать фрейлинами императрицы и хорошими жёнами. Над этим потешался Гоголь в «Мёртвых душах», рассказывая о супруге помещика Манилова, обучавшейся в особом женском пансионе «основам человеческих добродетелей», трём предметам: фортепьяно, французскому языку и вязанию кошельков для мужа.

Образование дворянское чадо могло получить и дома. Это было и дешевле, и спокойнее (мальчик оставался дома). Домашнее образование дворянского дитяти — ещё один знак дворянской культуры XVIII–XIX веков. Оно упоминается во многих литературных произведениях (часто с иронией). Нанятые учителя подчас не соответствовали своему назначению. Вернувшись из путешествия, Чацкий («Горе от ума») вопрошает у Софьи: «Всё так же набирают учителей полки, числом поболее, ценою подешевле?» Считалось модным приглашать учителей иностранцев независимо от их образования. Одним из учителей Митрофанушки («Недоросль» Фонвизина) был кучер с немецкой фамилией — Вральман. За мальчиком Онегиным «сперва мадам ходила, потом мусье её сменил». Первым учителем Петруши Гринёва («Капитанская дочка») был некто Бопре, который «в отечестве своим был парикмахером».

Но нередко от этих учителей была и польза, они вносили серьёзный вклад в образование дворянского подростка. Пример

тому — Евгений Онегин. От французенки мадам и от «Monsieur Labbe — католического священника (сбежавшего от революции на своей родине) Онегин получил блестящее знание французского языка: «Он по-французски совершенно мог изъясняться и писал». Углубившись в чтение книг на французском языке, Онегин освоил произведения английского политэконома Адама Смита и сам стал «великим экономом». Увлечённо читал и Байрона. (Адам Смит и Байрон публиковались в России на французском языке.) Не имея никакого гимназического, ни университетского образования, а только домашнее, Онегин мог спорить на равных (история, религия, этика) с окончившим немецкий университет в Гёттингене Ленским.

Бывали среди приглашённых иностранцев учителя, которые вносили высокие мысли в сознание и в души русских воспитанников. Это Карл Иванович Рёссель у Лёвушки Толстого или такие, как немец музыкант Лемм в романе Тургенева «Дворянское гнездо».

Таким образом, можно говорить о вкладе иностранных учителей в развитие русской дворянской культуры, прежде всего, в культуру так называемых дворянских гнёзд.

В этих маленьких центрах дворянской культуры воспитатели молодых барчуков и девиц, а также их дядьки и лакеи нередко становились им чуть ли не родными. Дядька Гринёва Савельич («Капитанская дочка») был готов отдать жизнь за барчука. Всю свою жизнь ухаживал за барином Ильёй Обломовым Захар (роман Гончарова «Обломов»). Лакей Фирс («Вишнёвый сад») считал отмену крепостного права для себя «несчастьем»; он, и став свободным, считал себя обязанным обслуживать своего барина Гаева. («Опять не те брючки надели». Гаев: «Иди, сегодня я сам оденусь».) Верным своему хозяину полковнику Воротынцеву изображает Солженицын его денщика Благодетарёва («Красное колесо»).

* * *

Верхи очень заботились об украшении своей жизни произведениями искусства, так что можно говорить о культуре верхов, имея в виду искусство всех родов и видов.

Строились роскошные дворцы (Зимний при Елизавете, Царскосельский при Екатерине II). Развивалась парковая культура на образец Версаля или английских садов. Дворцы обставлялись особой мебелью (мебель Луи Каторз), украшались малахитом и картинами европейских мастеров. Екатерина II даже купила в Европе для своего Зимнего дворца целую картинную галерею — Эрмитаж — с картинами великих живописцев эпохи Ренессанса (Рафаэля, Тициана, Леонардо, Веласкеса).

Не только императоры и императрицы, но и высшие представители дворянства строили для себя дворцы и городские усадьбы, окружённые правильными садами и парками. У графов Шереметьевых было два подмосковных дворца — в Останкине и в Кускове. Грандиозный дворец под Москвой в Архангельском построили себе князья Юсуповы. (Один из их потомков Феликс Юсупов принимал участие в убийстве Распутина.) Однажды побывал в Архангельском Пушкин и был в таком восторге от красоты дворца и прелестей парка, что написал в их честь нечто вроде оды.

Была и культура развлечений высшего общества (света). Люди света развлекались на балах и маскарадах, где танцевали западные полонезы, мазурки, и где подчас завязывались матримониальные отношения.

В деревенских поместьях помещики затевали охоту (охотой занимались и советские «верхи» Брежнев и Хрущёв), устраивали приемы, на которых мужчины играли в карты, а дамы сплетничали (картины этих развлечений нарисованы и в «Мёртвых душах» Гоголя, и в «Войне и мире» Льва Толстого).

С конца XVIII века одним из самых излюбленных развлечений высших слоёв был театр. После некоторых спектаклей даже вспыхивали споры среди зрителей, какая, например, танцовщица самая лучшая. Дело доходило до дуэлей. В одной из таких участвовал и Грибоедов с товарищами. За симпатии какой-либо актрисы боролись молодые люди самого высокого света. У балерины Кшесинской было два любовника из великих князей (не одновременно). Один из них станет царём. А граф Б. Шереметьев в конце XVIII века даже женился на крепостной

актрисе Прасковье Жемчуговой, дочери кузнеца, и ввёл её во дворянство.

Театру покровительствовали и советские власти. Но, как и во всех областях жизни, к деятелям театра они относились как крепостники: любимцев привечали, награждали, а неугодных его деятелей устраняли или убивали (Мейерхольд, Михозлс, Таиров).

Русские владыки, прежде всего цари, были богатейшими людьми в стране. Например, царь Александр III унаследовал громадное состояние своего отца. Только его драгоценности оценивались примерно в 160 миллионов рублей.

Одним из признаков культуры русской власти была набожность её царей. Что бы они ни предпринимали (не только в частной жизни), какими бы провалами ни завершалось то или иное их политическое или военное мероприятие, они (прежде всего Александр III и его сын Николай II) объясняли это не следствием своих ошибок или слабостей, а Волей Божьей. Какое бы решение (даже объявление войны Японии в 1904 году или Германии в 1914 году) они ни принимали, они объясняли это нации как Волю Господа. Причём далеко не всегда цари придерживались ортодоксального христианства. Чаше они руководствовались тёмными суевериями, в чём их упрекал Лев Толстой, сказав о правительстве Александра III, что оно «довело себя дикими суевериями православия до одурения».

Все русские властители до революции 1917 года постоянно молились в церквях, отмечали все церковные праздники, совершали церковные обряды. Александр III и его сын Николай II очень высоко ставили публициста М. Н. Каткова за его постоянные выпады против знания и науки в пользу церкви и за его пропаганду введения преподавания закона Божьего в гимназиях.

Особенностью культуры русской власти был (и сейчас остаётся) болезненный её национализм, особенно у Александра III, который часто напоминал: «Россия для русских» и задолго до Путина утверждал, что весь мир настроен против русских (весь мир состоит из русофобов).

Русские царские власти считали истинно русскими только православных и верили, что каждый русский предан правосла-

ному русскому монарху. И когда террорист Каракозов стрелял в молодого царя Александра II, тот не столько поразился самим этим фактом, сколько был подавлен, что в него стрелял не поляк, а русский (поляк в него стрелял в Париже).

Национализм (патриотизм) в сознании русских царей был тесно связан с религиозностью. Вероисповедной принадлежностью человека измерялась и его политическая благонадёжность. Александр III верил, что только национальная и религиозная общность может сплотить страну. В своих «Воспоминаниях» князь С. М. Волконский заметил: «Смешение принципов национального и религиозного достигло последних пределов уродства».

* * *

К свойствам русской власти относятся систематические дворцовые перевороты, в результате которых на русский трон забирается очередной самодержец.

Пётр I стал царём, свергнув с трона царицу Софью.

В результате дворцового переворота был убит царь Пётр III. В 1801 году, не без участия его сына Александра, был сброшен с трона и убит царь Павел I.

В начале марта 1917 года военным командованием при поддержке членов Думы был принуждён отречься от престола император Николай II.

После смерти в 1924 году очередного властителя России Ленина заговорщики во главе со Сталиным арестовали второго человека в советской власти Льва Троцкого, выслали его из страны и, наконец, убили.

Было, правда, несколько заговоров (Рютина, Раскольников, Шмидта) с целью свержения с «трона» самого Сталина, но они сорвались.

После смерти Сталина Хрущёв сверг его «идеологически» и занял его место во власти. Он в свою очередь был выдворен на покой в результате заговора брежневцев.

Последний (неудачный) дворцовый переворот против первого лица во власти (Михаила Горбачёва) совершило советское правительство в августе 1991 года.

РУССКИЙ ЛИБЕРАЛ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ТИП

Либерал вошёл в российскую политическую жизнь в конце XVIII — начале XIX века. Сам себя он либералом не называл, но ощущал себя в некоем духовном родстве с теми французами, которые воевали с легитимным монархом за свободу от его тирании и восклицали на своих собраниях «liberté!» — свобода. И слыша их воззвания, легитимные русские властители и их окружение стали называть этих сторонников свободы презрительным словом «либералы».

Первыми из известных русских либералов были А. Н. Радищев и Н. И. Новиков, которого митрополит Платон назвал личностью «высоко моральной». Это не спасло его от шлиссельбургского узилища, куда он был заточён по повелению царицы Екатерины, естественно считавшей его своим врагом, как и Радищева, опубликовавшего книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». Императрица узрела в ней начала либерализма, которые она обозначила бунтарскими, революционными. И к Радищеву и Новикову прилепилось ругательное слово либерал. Таковым же оно зазвучало и в устах царедворцев и прочих верных слуг трона часто с эпитетом «проклятый» («либерал проклятый»). Таким «проклятым либералом» (по утверждению гостей Фамусова) представил Грибоедов своего Чацкого.

Настоящие либералы появились в России после войны 1812 года. Это были офицеры, создававшие тайные общества, целью которых было, в частности, **освобождение** крестьян. С этих пор слово свобода стало чем-то вроде пароля в отношениях между либерально мыслящими русскими людьми.

Нередко наряду со словом свобода либералы использовали другие символы для обозначения своей общности. Они пред-

лагались либералам, вступившим в тайные масонские ложи: особенные перчатки, нашейные платки и т.п.

Но главное — слово свобода. Употребление слова свобода в течение всего XIX века означало принадлежность к кругу либералов. Пушкин писал известному либералу Чаадаеву: «Пока **свободой** горим, пока сердца для чести живы, мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы». И обращаясь к сосланным в Сибирь либералам-декабристам, обещал им от имени оставшихся на свободе друзей, что «темницы рухнут — и **свобода** / вас примет радостно у входа».

И это произойдёт... через тридцать лет, когда на трон взойдёт царь с либеральными идеями Александр II, освободит ссыльных и выпустит декабристов-либералов на свободу. Но на протяжении этих тридцати лет жило и проявлялось либеральное сознание в русском интеллигентском обществе.

Либералы этого времени клялись продолжать дело свободы. С университетской кафедры её проповедовал молодой профессор Т. Грановский. Либеральными идеями заполнил свои «Философические письма» Пётр Чаадаев. Молодой Белинский призывал в своих статьях и письмах (например, в письме к Гоголю в 1847 году) к верности либерализму. Группа молодёжи вокруг Петрашевского дискутировала о путях к свободе.

Но параллельно власть усиливала преследования либералов. Увы, её подчас поддерживали и люди, до того бывшие в кругах либералов. Так, поэт и друг Пушкина П. А. Вяземский писал в письме ему после приговора декабристам, что «они сорванцы и подлецы», что очень огорчило Александра Сергеевича, всю свою жизнь остававшегося верным своим друзьям как носителям либеральных идей.

И так тридцать лет в России сосуществовала в одних кругах ненависть к идеям свободы с глубокой верностью им в других. Так, Пушкин в одном из своих последних стихотворений провозгласил свою преимственность основателю либерализма: «Вослед Радищеву восславил я свободу».

Вторая волна либерализма поднялась в середине 50-х годов с восхождением на трон либерала Александра II, по праву про-

званному «царём-освободителем». Он дал русским людям целый ряд свобод: свободу крестьянам от крепостной зависимости, работникам земств — свободу деятельности в своих земствах (районах), свободу преподавания профессуре на университетских кафедрах, свободу творчества писателям и журналистам (облегчение цензуры), освобождение мужиков от двадцатипятилетней солдатчины.

В этой деятельности его поддержали ставшие на путь либерализма некоторые царедворцы, родственники и интеллигенция. Среди них Великий князь Константин Николаевич (брат), сестра умершего царя Николая I Елена Павловна, военный министр Милютин, сенатор Валуев, министр Лорис-Меликов, который предложил царю нечто вроде конституции (сорванной противниками либерализма террористами-народниками). Реформы поддержали своим авторитетом некоторые либералы из общественных кругов: Иван Тургенев, Павел Анненков, цензор Никитенко, юрист Борис Чичерин (родственник будущего наркома просвещения у большевиков) — целая когорта либералов, даже их идейный вождь А. И. Герцен, издававший в Лондоне антиправительственный листок «Колокол», приветствовал царя-освободителя: «Ты победил, галилеянин!». Можно сказать, что либералы в 50–60-е годы определяли политическую и духовную жизнь России, не забывая, что их реформы не всегда были достаточно последовательными.

Казавшееся необратимым торжество либералов было пресечено новым царём Александром III, либералов ненавидевшим. Он употребил всё своё могущество на свёртывание либеральных реформ отца. Россию, очищенную от либерализма, изобразил Лев Толстой в романе «Воскресенье»: Россию жестокую, грязную, лживую. В 70–80-е годы и в начале XX века при таком же враге либерализма, царе Николае II, либералы становились политически ангажированными, стали самоутверждаться в Российской государственной и общественной жизни.

Возникла третья волна либерализма. Либералами становились люди из образованных слоёв населения: преподаватели университетов, журналисты, врачи, учителя, деятели земств,

юристы (главным образом адвокаты). Против либералов выступали, с одной стороны, царские власти и самые «черные» группы населения («Союз русского народа»), с другой — революционеры (сказка Щедрина «Либерал», порочащая тип либерала).

Либералы уже не находили возможным и полезным союз с правительством, как шестидесятники. Начиная с 80-х годов XIX века и до исчезновения из российской реальности в результате октябрьского переворота, либералы действовали как противники властей царской и большевистской (об этом ниже).

Уже в 90-е годы XIX века либералы стали создавать свои общества, а потом даже свою партию. Они её сначала называли партией народной свободы, а позже партией конституционно-демократической (кадеты). Целью этой партии были конституция и представительное правление: парламент (Дума). В 1905 году в результате либеральной революции либералы победили, получив и нечто вроде конституции, и Думу. Народ (избиратели) доверил либералам большинство мест в Думе. Но после октября между самыми чёрными силами с одной стороны и теперь уже большевистской властью — с другой — вспыхнула истерическая ненависть к либералам.

* * *

Что же такое русский либерал? Во-первых, русский либерал всегда находился и находится в оппозиции к правительству. Либерал, сотрудничающий с властью, — нонсенс. (Исключение — период реформ Александра II.) Либерал не воюет с властью (это дело революционеров), он или игнорирует правительство, или выступает с требованиями к нему. Чаще всего либерал требовал от власти конституции, то есть самоограничения этой власти. Конституции требовали кадеты от царя Николая II. Царь частично удовлетворил требования либералов и издал в 1906 году манифест, которым вводил в России нечто вроде конституционного правления. Либералов этот манифест не совсем удовлетворил, и они продолжали выступать с новыми требованиями, пока царь в марте 1917 года не отрёкся от престола и не было создано временное правительство либерального толка (некто-

рые его члены были масонами, что было довольно типично для либералов).

В начале 80-х годов, при Андропове, либералы вышли на площадь Пушкина с лозунгом «Выполняйте вашу конституцию!». Власти же на это требование ответили арестами (задержаниями) участников демонстрации. Среди демонстрантов были такие либералы, как академик А. Д. Сахаров, математик Есенин-Вольпин (сын поэта Есенина), Людмила Алексеева. Ни им, ни другим либералам (их преемникам) не приходило в голову заключать какие-либо соглашения с советскими властями. И когда А. И. Солженицын у себя в имении под Москвой принял от Путина государственную награду, это вызвало крайнее недоумение у либералов (впрочем, писатель не только не считал себя либералом, но в некоторых статьях резко критиковал либерализм).

Вслед за Солженицыным многие интеллигенты приходили в Кремль на торжественные приёмы у президента, получали от него ордена, присутствовали на парадах. Это были не либералы, а обслуживавшие власть её приспешники. Либерал же отстраняется от всех мероприятий Путина, от его пропагандистской идеологии. Либералы-историки (в частности профессора Пивоваров, Зубов и др.) опровергают фальсифицированную Путиным историю сталинизма и второй мировой войны. Более того, либерал отвергает и патриотическую фразеологию, распространяемую Путиным и его приспешниками среди населения.

Либерал не только критикует власть, он и не присоединяется духовно к массам, к тому, что называют народом (в этом его отличие от народопоклонников). В одном из своих последних стихотворений («Из Пиндемонти») Пушкин утвердил либеральную позицию: «Зависеть от царя, зависеть от народа — не всё ли нам равно?». Истинный либерал не служит ни власти, ни толпе. (Но интерес к народному быту у либералов был.) Ещё молодой Пушкин заметил: «К чему стадам дары свободы? / Их нужно резать или стричь». (Настольной книгой современных либералов нередко была работа испанца Ортега-и-Гассета «Восстание масс» с предупреждением об опасности массовых движений.)

Либерал отворачивается от всего, что обслуживает власть. В частности, он игнорирует православную Церковь. Либерал не борется с Церковью, а отстраняется от неё: не посещает служб, не участвует в праздниках. В его глазах Церковь — это, так сказать, филиал власти, а следовательно, она враждебна либерализму. Невозможно представить себе либерала целующим крест, икону, руку священника, мощи святых. Либерал молиться не умел и не хотел. Но почти все либералы — люди верующие: не в церковь, а в Христа и его учение. Церковь, как и правительство, была по ту сторону черты, которая, начиная с 14 декабря 1825 года, разделила общественное мнение на два враждующих лагеря. Человек в рясе был для либерала человек чужой, враждебный.

Либерал всегда погружён в русскую историю. Но его увлекает лишь история послепетровской России. Древняя Русь, или, как говорит либерал, «славянщина», его мало интересует. Причина этого в том, что либерал, как правило — западник. И он равнодушен к древнеславянскому языку, на котором ведётся служба в православных храмах. Оставаясь вне всяких правительственных празднеств, либералы собирались на свои торжественные мероприятия. Типичны для них участие в торжественных похоронах своих кумиров и, с конца XIX века, — в так называемых банкетах, где происходил шумный обмен реформистскими идеями, касающимися либеральных преобразований России.

На похоронах своих идейных предшественников либералы произносили чуть ли не революционные речи. Над могилой Некрасова Достоевский заявил, что покойник был равен самому Пушкину. Но из толпы раздался возглас: «Выше, ставьте выше!» Это был призыв студента-либерала Плеханова.

Тысячи либералов вышли на похороны Шелгунова и Тургенева. О Тургеневе говорили как об одном из великих деятелей эпохи борьбы за освобождение крепостных крестьян.

Истинные либералы изначально были настроены против большевизма как находившегося в оппозиции к царской власти, так и захватившего власть в стране. В свою очередь большевики

всегда ненавидели либералов и натравливали на них «человека из народа».

В наше время либералы устраивали торжественные похороны своих кумиров: Эренбурга, Твардовского, Пастернака, что вызывало тревогу у советских властей.

Русский либерал — всегда одиночка в общественной жизни России. Он не чувствует себя таковым только когда встречается с единомышленниками.

Герман Наумович Фейн (литературный псевдоним Герман Андреев) родился в 1928 г. Литературовед, культуролог, публицист. Преподаватель литературы и завуч 2-й Московской физ.-мат. школы в 1966–1971 гг. Автор книг «Чему учил граф Лев Толстой», «Идеи либеральной интеллигенции в творениях русских писателей первой половины XIX века» и др. После эмиграции в 1975 г. в течение 25 лет преподавал русскую литературу и российское страноведение (литература, история, философия) в немецких университетах Гейдельберга, Мангейма и Майнца. Был постоянным автором парижской газеты «Русская мысль», русской службы радио «Немецкая волна», журналов «Континент» и «Страна и мир», а после 1991 г. — «Новый мир», «Открытая политика», газеты «Сегодня». Один из основателей Летнего русского университета им. А. Д. Сахарова в Германии.

Предлагаемое читателю издание является второй частью книги «Глазами либерала», вышедшей в свет в 2012 году. В ней автор вновь обращается к проблемам русского либерализма, опираясь на его историю, философию, на мировоззрение отдельных деятелей этого течения и его оппонентов.

Разъяснение истинного смысла либерализма, искажённо трактуемого его противниками, а также помощь его сторонникам, ищущим аргументации в спорах о прошлом, настоящем и будущем страны — вот сверхзадача книги.

...Герман Андреев излагает чистые факты, не прибегая к тону непрекращаемого знания, причём даёт образцы того либерализма, который играл большую роль и на Западе, и в предреволюционной России...

*Бригитта Венгер,
немецкая журналистка*

...Герман Андреев безусловно принадлежит к кругу людей подлинной современной русской культуры. По крупичам, по обрывкам ловим мы то, что было достоянием дооктябрьской интеллигенции...

*Валерий Сендеров,
математик, общественный деятель*

www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

ISBN 978-1-950319-55-8

9 781950 319558